

Использование разножанрового языкового материала в одном тексте несет у Сервантеса важную идейную и методологическую нагрузку. Однажды Санчо, сетуя на колдовское преобразование Дульсины («в сторону ухудшения»), восклицает: «Мало того, негодяи, что вы превратили жемчуг очей моей сеньоры в чернильные орешки и ее волосы из чистейшего золота — в щетину рыжего бычьего хвоста» (II, X). Выражение «волосы из чистейшего золота» относится к клишированным формам описания женской красоты, составляющим поэтические наборы в некоторых литературно-художественных системах (в частности, в рыцарском романе): лицо — солнце, глаза — изумруды (звезды), шея — белый мрамор (алебастр, слоновая кость), губы — рубины и т. д. «Жемчуг очей» Санчо взял, видимо, не из той поэтической наборной кассы, ибо сравнение глаз с жемчужинами никак не подходит к системе даже очень условных оценок женской красоты. Дон Кихот заметил эту несообразность и решительно исправил нарисованный оруженосцем портрет: «Ты плохо описал ее красоту, ибо, насколько я помню, ты сказал, что у нее были жемчужные очи, а глаза, которые похожи на жемчуг, бывают скорее у красноперого спара [вид рыбы. — Г. С.], чем у женщины, и мне кажется, что глаза Дульсины до л ж н ы б ы т ь [разрядка моя. — Г. С.] из зеленого изумруда, рассеченные пополам и осененные двумя небесными сводами, которые служат ей бровями; а жемчуг твой не приставляй к глазам, но побереги для зубов, наверное, Санчо, ты ошибся и глаза принял за зубы» (II, XI). Здесь следует отметить два принципиально важных момента. Во-первых, ни Санчо, ни Дон Кихот не видели Дульсинею Тобосскую, что не мешает, однако, оруженосцу описывать ее красоту, а рыцарю — дать исправленный и дополненный вариант описания. Сервантес, как мы видим, критикует самые основы художественного конструирования образа, принятые в рыцарском романе: заведомую несоотнесенность этого образа с реальной моделью в жизни. Если обратиться к формуле Кеведа, по которой осуществляется акт творчества, «оригинал — художник — кисть — копия», то можно сказать, что в произведениях нереалистического, «идеального» направления нет жизненного оригинала, как нет и копии, воспроизводящей, отражающей конкретный жизненный материал. Санчо хорошо усвоил этот принцип несоотнесенности и несоотнесенности с реальностью, превратив чернильные орешки в жемчуг очей, а щетину рыжего бычьего хвоста — в волосы из чистейшего золота. Во-вторых, Санчо со своей точки зрения сделал «непротиворечивое описание» несравненной Дульсины. Его ошибка, с точки зрения Дон Кихота (кстати, он не сразу ее заметил и обратился к этой теме только в следующей главе), состояла в том, что он нарушил законы жанра. Сравнение волос с золотом законно в рыцарском романе, а глаз — с жемчугом возможно в общепринятом употреблении. Слово «жемчуг» имеет в общем языке значение чего-то драгоценного, хорошего, красивого. Внешний вид жемчуга (форма, цвет) не является тем признаком, который помешал бы употребить слово «жемчуг» в переносном значении. Ср. в речи оруженосца рыцаря Леса: «воспитывать моих детишек, которых у меня трое, и каждый из них словно восточная жемчужина» (II, XIII).

Стиль связан не только с онтологическими свойствами текста, но и с функциональной характеристикой произведения, с его прагматической направленностью. М. Б. Храпченко пишет по этому поводу: «Стиль следует определить как способ выражения образного освоения жизни, способ убеждать и увлекать читателей»³. Иными словами, читатель есть та оценочная инстанция, на которую автор непременно должен ориентироваться. Стиль произведения выполняет, таким образом, функцию двояковогнутой линзы между художником и публикой. Именно обращенность к читателю (наряду со спецификой выбора объекта описания, темой, идеей)

³ Храпченко М. Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М., 1972, с. 104.